

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ—ВАШИ

— Нет ли лишнего билета?

Вам, конечно, не раз приходилось слышать этот вопрос, когда вы, пробираясь сквозь густую толпу перед зданием филармонии, спешили на какой-нибудь эстрадный концерт. И, наверно, ни разу вы его не слышали, если шли на концерт серьезной музыки.

Это не только предположение. Упрямая вещь—статистика утверждает, что в таком крупном городе, как Уфа, не всегда можно найти аудиторию для слушания симфонических и камерных концертов, опер, то есть всего того, что мы называем серьезной музыкой.

— Почему? Нариман Гилязевич, что вы могли бы сказать по поводу такого положения.

— Вопрос, действительно, очень острый и далеко не новый. Он неоднократно ставился и обсуждался в печати, известны высказывания виднейших деятелей искусства, и все-таки, я считаю, вернуться к нему еще раз (а, может быть, еще и не раз) никогда не лишне.

Часто можно услышать, как молодежь упрекают в нежелании слушать серьезную музыку. Но разберемся: ведь нежелание слушать происходит порой от неумения слышать. Известнейший советский композитор, горячий пропагандист музыки Д. Кабалевский в одной из своих статей четко разграничил эти понятия. Слушать и слышать. Вдумайтесь, это действительно очень разные вещи.

Так вот, большинство наших молодых людей не научилось слышать музыку, и вполне понятно, что слушать ее им просто-напросто неинтересно. Ведь это то же самое, что посещать лекции по высшей математике, не имея соответствующей подготовки. Найдутся ли охотники часами выслушивать то, чего они абсолютно не понимают? Не думаю.

Но это сказано отнюдь не в оправдание. Бывает, что когда спрашиваешь какого-нибудь юношу, почему он не слушает музыку, тот отвечает (и даже с какой-то гордостью): «А я ее не понимаю». Не понимаю—и все тут, таким уж, дескать, родился. Однако чаще всего за этой фразой кроется ни более, ни менее, как обыкновенная пассивность.

— Да, но может быть, эта фраза все-таки имеет какое-то реальное основание? Может быть, действительно далеко не все люди способны воспринимать музыку?

— Ничего подобного. Неоднократно проводились медицинские эксперименты, и доказано, что людей, по каким-либо причинам не способных воспринимать музыку, менее одного процента. Мне известен один такой простейший эксперимент.

В ничем не примечательный класс ничем не примечательной московской школы принесли метроном—прибор с мерно качающимся маятником. Он употребляется для регулирования быстроты темпа и ровности ритма при исполнении му-

зыкальных произведений. Включили на какой-то заданный темп, а затем сделали паузу. В течение этой паузы ребята должны были продолжать отсчитывать колебания маятника в том темпе, в котором он был пущен.

И что же? Из сорока школьников ошиблись только двое. Все же остальные с полной непреложностью доказали, что они слышат и чувствовать музыку могут. Могут—но далеко не всегда хотят.

И об этом мне хотелось бы поговорить особо. Среди многих причин, вырабатывающих равнодушное отношение к духовным ценностям, овладение которыми необходимо каждому культурному человеку, есть и такая—очень часто люди представляют себе свой отдых как бездумное, пассивное развлечение.

Отдых? Давайте подумаем. Действительно, можно после работы поиграть в домино и чувствовать себя отдохнувшим или потанцевать, или послушать эстрадную музыку.

Но предположим, что вы отправились в картинную галерею. Перед вами картина «Иван Грозный и его сын Иван». Царь в ужасе, он готов все отдать, лишь бы изменить содеянное, своими руками он хочет зажать рану, остановить кровь...

Все оттенки мгновенно сменяющих друг друга чувств проходят перед вами. Вы готовы часами стоять возле этого полотна, глубина и выразительная сила картины захватывают вас безраздельно.

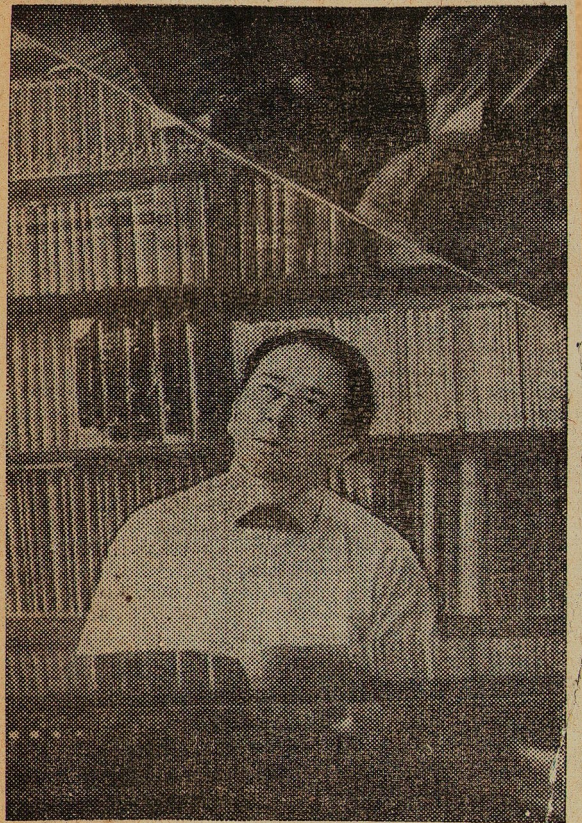
Отдыхаете ли вы в это время? Пожалуй, нет. В обязательном смысле слова, нет. Но вы почерпнете для себя столько нового, волшебная сила сопереживания разбудит, в вас столько высоких, гуманных чувств, что вы и не пожелаете променять это испытанное возле картины напряжение на отдых пассивный и созерцательный.

То же самое с книгами. Вы можете с удовольствием прочесть рассказ или роман с затейливой, оригинальной фабулой, но если это роман поверхностен, если он не затрагивает больших общечеловеческих проблем, он не взволнует вас, не заставит что-то передумать, что-то переменить в себе, вы его вскоре забудете и, уж конечно, никогда не возьметесь его перечитывать.

— Нариман Гилязевич, в

«ВЕЧЕРНЕЙ УФЫ» С КОМПОЗИТОРОМ НАРИМАНОМ САБИТОВЫМ.

нашем разговоре о музыке вы, по-видимому, недаром коснулись и живописи, и литературы. Действительно, настоящие живопись и литература и настоящая музыка—это (по своему преобразующему воздействию на человека) явления одного рода. Научиться любить их, выработать в себе постоянную потребность в общении с искусством необходимо каждому.

Но иногда от какого-нибудь юного (а, бывает, и не слишком юного) скептика приходится слышать, что не так уж это и необходимо, ведь и без искусства можно вполне обойтись... — Что же, может быть, кто-то и может обойтись без искусства, но это совершенно не то же самое, что человеку, имеющему здоровое зрение, отказаться воспринимать все цвета и оставить себе только черный и белый. Представляете? Черный и белый. Земля—черная, небо—белое, астра—черная, василек—белый. И все, никаких оттенков, ничего больше вы не видите.

Это, конечно, преувеличение, но по существу это так, потому что общение с настоящим искусством откроет вам столько красок, столько оттенков и переливов, что все ваше предшествующее восприятие жизни покажется вам черно-белым.

Иногда ставится под сомнение облагораживающее воздействие искусства. Действительно, прямой связи между способностью испытывать высокие эстетические переживания и общим нравственным обликом человека нет. Но сильное обогащающее значение несомненно. Человеку, приобщающемуся к искусству, жизнь постепенно открывается во всей своей многокрасочности, во всем богатстве своих проявлений и он становится тоньше, мудрее, глубже познает самого себя и окружающий мир, иначе (с большим пониманием) начинает относиться к людям.

— Вообще-то, по-видимому, можно отметить, что потребность в овладении духовной культурой (в том числе музыкальной) все возрастает.

— Да, это совершенно верно. Вот у нас в Уфе есть довольно широкая сеть музыкальных школ, но все-таки лишь немногочисленная часть желающих может попасть в

них. Значит, этих школ должно быть еще больше.

На мой взгляд, шире можно поставить музыкальное образование в обычных школах. И надо, может быть, поискать какие-то новые формы приобщения детей к музыке.

Одной из форм музыкального самообразования может стать посещение лекториев (при нашем оперном театре есть такой). Там, общаясь непосредственно с музыкантами, композиторами, человек может по-настоящему открыть для себя музыку.

— Прийти к искусству никогда не поздно, но основы любви к нему, наверно, нужно закладывать в раннем детстве. Ведь искусство оказывает гармонизирующее влияние на становление личности, а при теперешнем ритме жизни, при колоссальном развитии средств информации, когда дети успевают получить огромную массу сведений, переработать которые они не в силах, это особенно важно.

— Да. И мне хотелось бы отметить здесь еще один момент: мы должны (насколько это возможно) следить за оборотом информации, которую получают наши дети. Ведь что иногда получается: сидит ребенок в школе, 4—5 часов впитывает знания, дома читает книги, газеты, бежит в кино, а вечером несколько часов подряд смотрит телевизор.

В детстве жажда познания огромна, а стремление все охватить (при физической невозможности это сделать) приводит к привычке скользить над действительно глубокими и важными вопросами, не задевая их.

Особенно надо быть осторожным с телевизионными передачами. Ведь подумайте, чего только не смотрят наши дети, как бездарно они убивают время у голубого экрана. Взять тот же хоккей. Как минимум, два с половиной часа мальчишка сидит в напряженной позе и смотрит, как носится по полю шайба. Что он вынесет из этого сидения? «3:2 в нашу пользу» — вот и весь итог. Было бы гораздо полезнее, если бы он хоть полчаса из этого времени сам побегал с клюшкой, или почитал книгу, или послушал музыку.

Музыкальные передачи по телевидению тоже имеют свои изъяны: ты находишься во

власти оператора, который показывает тебе то дирижера, то зрительный зал (в самый напряженный момент музыкального действия), то скрипки, когда играет барабан, то наоборот. На музыкально образованного человека это действует очень неприятно, а человека, не особенно сведущего в музыке, рассеивает, мешает ему сосредоточиться на главном.

Другое дело радио. Здесь тебе ничто не мешает полностью отдаться восприятию музыки. Поэтому я бы очень советовал родителям с малых лет приучать детей слушать радио, музыкальные передачи.

Есть еще одно прекрасное средство музыкального самообразования и воспитания детей—пластинки. Но и с ними надо быть осторожным. Надо помнить, что дети необычайно склонны к подражанию, и когда они слышат неправильное пение (все эти эстрадно-микрофонные подвывания), их голосовые связки непроизвольно напрягаются таким образом, чтобы производить подобные же звуки. Часто бывает, что лекторы, преподаватели вузов, учителя, то есть люди, которым много приходится говорить, жалуются, что у них устают горло, устают губы и т. д. Почти всегда это связано с неправильным развитием голосовых связок, которое, в свою очередь связано с тем, какие речевые звуки приходилось человеку слышать в период формирования голосовых связок.

Конечно, связь тут не всегда прямая и абсолютная, но все-таки из этого ясно, как важно детям с малых лет слышать правильное пение, то есть пение, основанное на наиболее полном использовании голосовых возможностей человека. Поэтому постарайтесь, чтобы у вас в доме почаще звучали голоса известных оперных и камерных певцов.

В заключение нашей беседы я хотел бы сделать такое своего рода обращение.

Мировое искусство накопило огромное количество шедевров, огромные духовные ценности. Это словно сверкающие россыпи драгоценных камней. В нашей стране они принадлежат народу, каждому из нас. И каждому из нас надо осознать, что эти богатства—наши, и надо только протянуть руку, чтобы взять их.

Беседу вела Л. КОРШИК.